

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

«КОРРУПЦИЯ», «ТОЛПЫ» И «ЛЕЗГИНКА»: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ОТНОШЕНИЯ РОССИЯН К МИГРАНТАМ (на примере Москвы и Краснодара)

Наталья Петровна Космарская*

Центр изучения Центральной Азии и Кавказа,
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Цитирование: Космарская Н.П. (2018) «Коррупция», «толпы» и «лезгинка»: региональная специфика отношения россиян к мигрантам (на примере Москвы и Краснодара). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(2): 187–213. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.7>

Аннотация. Несмотря на высокую актуальность проблемы ксенофобии и мигрантофобии, в России пока еще мало исследований, нацеленных не на создание усредненной общестрановой картины с помощью массовых опросов, а на поиск региональной специфики взаимодействия мигрантов и принимающего населения. В статье рассматриваются причины и проявления мигрантофобии в двух городах — Москве и Краснодаре. Выбор Краснодара в качестве «пары» для сравнения со столицей обусловлен как существенными отличиями городов друг от друга (историко-географические особенности, этнокультурный состав населения), так и важной общей чертой: оба города долгое время являются магнитом для множества трудовых мигрантов не только из регионов России, но и из ближнего зарубежья.

Региональные особенности восприятия мигрантов раскрываются в статье с помощью качественных методов исследования (персональное полуструктурированное интервью), которые, по мнению автора, имеют богатый познавательный потенциал при изучении мигрантофобии.

Вводится понятие «контекстуального» (фонового) фактора, тесно связанного в сознании респондентов с миграцией и отражающего ту специфику ситуации «вокруг мигрантов» в конкретном городе, которая слабо улавливается или вообще не улавливается массовыми опросами. Так, москвичи рассматривают миграцию и мигрантов в основном сквозь призму социально-политических и социально-экономических аспектов российской/городской жизни, в то время как в Краснодаре в фокусе внимания респондентов — социокультурные и этнокультурные моменты.

Анализ интервью, собранных в двух городах, может прояснить следующие вопросы: 1) какие факторы, специфичные для того или иного города, влияют на отноше-

---

* E-mail: kosmarskis@gmail.com

ние к мигрантам; 2) есть ли там устойчивые группы населения, склонные к повышенной интолерантности по отношению к мигрантам и, напротив, более доброжелательно к ним настроенные; 3) реагируют ли местные жители по-разному на мигрантов разной этнокультурной принадлежности и социального статуса и если да, то почему; 4) как могут влиять транслируемые СМИ этнокультурные стереотипы на отношение к мигрантам в различных городских контекстах.

Ключевые слова: восприятие мигрантов, Россия, этнокультурные «другие», трудовые мигранты, причины и проявления мигрантофобии, контекстуальные факторы, региональные особенности, методы изучения.

В российском обществе, переживающем активный приток мигрантов, многие из которых являются для жителей страны этнокультурными «другими», фиксируемая на микроуровне ксенофобия выступает в первую очередь в форме мигрантофобии. На эту тему в России написано множество публицистических и научных текстов, использующих в качестве эмпирической базы главным образом результаты крупномасштабных опросов по общестрановым выборкам. Однако, на наш взгляд, познавательная ценность качественных методов при изучении восприятия миграции и мигрантов на микроуровне также может быть весьма высокой. Возможность реализовать эту исследовательскую задачу представилась автору в рамках международного проекта, посвященного современному российскому национализму (NEORUSS)*. Проект охватил несколько российских городов (Москва, Краснодар, Владивосток) и по сложившейся традиции также опирался на массовые социологические опросы, проведенные Центром РОМИР по заказу организаторов проекта в середине 2013 г. в каждом из трех городов (600 чел.), а также по общероссийской выборке (1300 чел.). Нашей же задачей стало изучение отношения к миграции жителей российских городов с помощью персонального интервьюирования.

Выбор методологии имел для нас принципиальное значение. И количественные, и качественные методы изучения социальных процессов, будучи взаимодополняющими, имеют свои достоинства и ограничения. Наше стремление обратиться именно к «мягким» методам вызвано реакцией на доминирование в очерченном проблемном поле массовых опросов. В России они являются, в виде данных о «процентах» поддержки респондентами того или иного утверждения, почти единственным источником информации о восприятии миграции и мигрантов обычными

---

* Международный проект под названием «Национальное строительство, национализм и новый «другой» в современной России» осуществлялся при поддержке Исследовательского совета Норвегии (2013–2016, № 220599).

людьми. Мы же стремились понять, как и в чем, по сравнению с опросами, персональные интервью могут послужить углублению знаний об изучаемом сюжете, а возможно, и источником альтернативных интерпретаций.

Тут стоит напомнить об определенных недостатках анкетирования, нацеленного на то, чтобы «измерить» и «обобщить», тогда как качественные методы дают шанс «прочувствовать» (неосознаваемое) и «приоткрыть» (невидимое). Как пишет А. Де Фина, известная своими исследованиями, через свободное интервью, такой трудноуловимой субстанции, как ощущение принадлежности к (этнической) группе, при «спонтанном рассказывании» появляется больше шансов понять взгляды информантов по поводу конкретных событий и опыта их переживания. Такого рода «рассказы» служат впечатляющей альтернативой «более традиционным методам сбора информации — анкетированию и формальному интервью» (De Fina 2003: 6, 7).

Тема восприятия миграции также полна «чувствительных», «ускользающих» моментов. Объясняя выбор качественных методов при изучении практик дискриминации мигрантов со стороны полиции в Санкт-Петербурге, Б. Гладырев отмечает «несенситивность» опросных методик по отношению к тонким категориям, которые могли бы выявить скрытые смыслы и невидимые механизмы социальной практики (Гладырев 2009: 222).

В работах по интересующей нас тематике обращается также внимание на неизменно сложную проблему «каков вопрос — таков ответ». Имеется в виду зависимость ответов от формулировок вопросов анкеты. Ю. Михайлова, анализируя «странные» (*confusing*) и иногда противоречивые реакции участников нескольких общероссийских опросов на тему «русского национализма», заключает: «Многие респонденты, скорее всего, реагировали на слова, вызывающие у них привычные позитивные или негативные ассоциации, а не на саму суть задаваемых вопросов. Это может стать дополнительным аргументом против излишнего доверия к данным опросов, особенно когда их организаторы не выбирают стилистически наиболее нейтральные слова и обороты» (Mikhailova 2011: 531; см. также с. 530).

Действительно, вопросы анкет нередко далеки от «нейтральности». Так, широкое использование в исследованиях о причинах мигрантофобии объяснительной модели «воспринимаемой угрозы» (*perceived group threat, competitive threat*) (Semyonov et al. 2006: 428; Sides, Citrin 2007; Escandell, Ceobanu 2009: 48–49), на наш взгляд, не оправдывает автоматического переноса в анкеты отнюдь не нейтрального слова «угроза». Тут мы имеем дело с отсутствием «перевода» с исследовательского языка на «язык

респондентов». В частности, в упомянутом опросе РОМИРа (проект NEORUSS) им предлагалось выразить отношение к следующему весьма «сильному» утверждению: «Ислам становится угрозой социальной стабильности и русской культуре» (см. также: Blakkisrud, Kolstø 2017: 381–382; Pędziwiatr 2017: 417, 425).

Ситуация, когда тематика опроса является предметом многолетних и эмоционально насыщенных публичных дискуссий (а это как раз наш случай), еще больше способствует тому, что формулировки анкетных вопросов строятся как противопоставление крайних мнений и потому приобретают провоцирующую окраску. К тому же они нередко абсорбируют штампы, распространяемые СМИ. Жанр персонального интервью более подходит для нивелирования воздействия публичного и политического дискурса на ответы респондента (хотя вряд ли этого можно добиться в полной мере).

Далее, при массовых опросах люди зачастую поставлены перед необходимостью реагировать на идеи и утверждения, которые по форме или содержанию не соответствуют их образу мысли. Вот что пишет, например, А. Верховский, комментируя результаты опроса по проекту NEORUSS. Оценивая их в целом, он отмечает: «Опрос создает видимость сложившейся повестки дня русского национализма, которую поддерживает большинство населения». Однако после представления некоторых конкретных цифр этот автор заключает: «Но пора сделать важнейшую оговорку: взгляды и предложения, поддерживаемые гражданами в массовых опросах, — это очень часто не их убеждения, не часть их политических взглядов, это разрозненные ответы на неожиданно поставленные интервьюером вопросы. Такой опрос не показывает, насколько граждане серьезные и стабильны в своих взглядах, какую роль взгляды вообще играют в их мировоззрении» (Верховский 2013).

Качественные же исследования в виде полужормальной беседы, без «неожиданных» для респондента формулировок способны лучше улавливать форму, логику, терминологию и образ мысли информанта.

Наконец, в России — стране впечатляющих размеров и разнообразия этнокультурных и социально-экономических ландшафтов, важной научной задачей является выявление региональной окраски ксенофобии и мигрантофобии. Однако массовые опросы в силу специфики этого метода нацелены в первую очередь на выявление «общего», нежели «особенного».

В статье, наряду с реализацией сравнительного регионального подхода к исследованию мигрантофобии (на примере Москвы и Краснодара), нам хотелось бы показать познавательный потенциал качественных методов при изучении данной темы. Мы попробуем ответить на следующие вопро-

сы: 1) какие факторы, специфичные для того или иного города, могут влиять на отношение к мигрантам; 2) есть ли там устойчивые группы населения, склонные к повышенной интолерантности по отношению к мигрантам и, напротив, более доброжелательно к ним настроенные; 3) реагируют ли местные жители по-разному на мигрантов разной этнокультурной принадлежности и социального статуса и если да, то почему; 4) каковы особенности влияния транслируемых СМИ этнокультурных стереотипов на восприятие мигрантов в различных городских контекстах.

Выбор Краснодара в качестве «пары» для сравнения со столицей обусловлен как существенными отличиями городов друг от друга (историко-географические особенности, этнокультурный состав населения), так и важной общей чертой: оба города долгое время являются магнитом для множества трудовых мигрантов не только из регионов России, но и из ближнего зарубежья (Центральной Азии).

Статья заполняет определенную лауну в существующих исследованиях. Насколько мы можем судить, имеется крайне мало работ, в которых отношение россиян к миграции изучалось бы на микроуровне качественными методами. Речь идет о настроениях именно обычных граждан, а не особых сегментов общества — футбольных фанатов, молодежных экстремистских группировок, представителей националистических движений и пр. Есть работы на московском материале, использующие этнопсихологические тесты или фокус-группы (Татарко 2009; Козлова 2015), но специфика этих видов инструментария затрудняет сравнение результатов подобных исследований с другими, выполненными на микроуровне. Кроме того, в указанных статьях авторы не ставили перед собой задачу учета специфики того локально-пространственного объекта (города, региона), в рамках которого принимающее население взаимодействует с мигрантами. Норвежские ученые, участники проекта NEORUSS, провели исследование в Ставрополе именно с целью показать лицо современного «русского национализма» на региональном уровне, однако интервью проводились только с местными «лидерами общественного мнения», а взгляды обычных жителей изучались «традиционно» с помощью анкетного опроса (Blakkisrud, Kolstø 2017). В статье А. Фоксола на материалах интервью с жителями того же Ставрополя исследуется восприятие в первую очередь «межэтнических отношений в крае», а не отношение к мигрантам как таковым; кроме того, в этой работе отсутствует сравнительный компонент (Foxall 2012).

В ходе исследования нами был избран максимально «мягкий» стиль общения с людьми: интерес интервьюера к теме миграции и сопутствующим сюжетам заранее не декларировался. В беседах с информантами им

сообщалось, что изучается жизнь обычных людей в том или ином городе — как они воспринимают перемены, какие встречаются трудности и каковы возможные пути их преодоления. В качестве «нарративного толчка» служила фраза: «Расскажите, пожалуйста, о вашей жизни в...» таком-то городе. Вместо прямых задавались косвенные вопросы, потенциально связанные с миграцией, но без «подсказок». В частности, обсуждались проблемы транспорта, благоустройства, социального обслуживания, личная безопасность, уборка улиц и др. Эти темы обычно приводили к высказываниям информантов о миграции.

Выбирая исследовательскую тактику, мы опирались на опыт Р. Брубейкера и его коллег, которые изучали качественными методами (интервью и фокус-группы) разнообразные проявления этничности в отношениях представителей меньшинства и большинства (на примере повседневного взаимодействия венгров и румын в Трансильвании). Как отмечает ученый, «мы избегали прямых вопросов об этничности и демонстрации нашего интереса к этому сюжету». При этом он ссылается на известное высказывание Т. Х. Эриксона: «Если вы идете в “поле” в поисках “этнического”, вы это и найдете» (Brubaker et al. 2006: 15). Этничность является лишь одним, причем далеко не единственным способом интерпретации и осмысления людьми социальной действительности (Ibid.). Феномен мигрантофобии и ксенофобии как форм этнизации и социальной иерархизации, на наш взгляд, можно трактовать аналогичным образом. Потому для выявления этих феноменов «подсказки» в ходе интервью мы сочли неуместными.

Эмпирической базой исследования служат 64 полуструктурированных интервью с принимающим населением Москвы* и Краснодара (по тридцать два в каждом городе, конец 2013 — середина 2015 г.). Под «принимающим населением» понимаются люди, живущие в том или ином городе достаточно долгий срок (минимум пять-семь лет), имеющие постоянную регистрацию, жилье и работу. Хотя массив респондентов, естественно, не является статистически репрезентативным, мы старались соблюдать баланс «выборки» по полу, возрасту, уровню образования, социальному статусу, а также району проживания.

Москва: «Их для того и привезли, чтобы обманывать и класть на карман»

Одним из важных результатов исследования стало выявление контекстуальных (фоновых) факторов, связанных в сознании информантов с темой миграции и во многом определяющих отношение к ней. Стоит

---

* В московской части исследования принимал участие И. Савин.

заметить, что в западных работах, посвященных восприятию международной миграции жителями западных стран, в качестве независимых переменных, потенциально воздействующих на отношение к мигрантам, кроме факторов, характеризующих самого индивида (*individual-level variables*), часто используются некие общие характеристики социально-экономической системы, сведенные к формализованной, измеряемой форме. Такие показатели называются контекстуальными (*contextual*), или структурными (Semyonov et al. 2006; Bilodeau, Fadol 2011). В качестве потенциальных «провокаторов» негативного отношения к мигрантам чаще всего тестируются численность/доля мигрантов, уровень развития регионов, экономическая ситуация в стране приема, измеряемая через рост ВВП, динамику безработицы и пр.

При анализе материалов интервью выяснилось, что тема миграции (мигрантов) тоже «упакована» в «контексты». Но в нашем случае данный термин имеет иное значение — это сюжеты, при обсуждении которых миграционная тема возникает, интерпретируется и (пере)осмысливается информантами. Причем, судя по устойчивому присутствию «контекста» во многих интервью, по времени, которое уходило на его обсуждение, по «градусу» выражаемых при этом эмоций, «контекст» для наших собеседников не менее, а иногда более значим, чем собственно мигранты и миграция.

На наш взгляд, выявление и интерпретация фоновых факторов может стать перспективным направлением изучения с помощью интервью отношения к миграции в разнообразных региональных/локальных ситуациях. Так, в двух городах устойчиво повторяющиеся в интервью сюжеты, занимающие горожан в связи с миграцией, оказались совершенно разными.

В Москве важным «контекстуальным» фактором стал сюжет, который мы условно назовем «коррупция». Эта тема не раз поднималась в работах о миграции, в том числе и с учетом московской специфики (Schenk 2013; Malakhov 2014), однако эти работы, раскрывающие с разных сторон коррупционную составляющую миграционных процессов в России, обычно рассматривают ситуацию с точки зрения политико-экономических механизмов и не переходят на микроуровень. Московский массив интервью интересен показом того, как «коррупция» и «миграция» переплетаются в сознании обычных жителей города.

Люди могли выразить свое недовольство в свободной форме, и выявились конкретные раздражающие их сюжеты: связанный с коррупцией теневой бизнес, массовое нелегальной занятости, злоупотребления чиновников и полиции, неэффективность работы социальных, жилищно-коммунальных служб. При обсуждении этих тем мигранты неизменно

«присутствуют», потому что они «визуализируют» эти болячки московской/российской социальной жизни, являются раздражающим или огорчающим напоминанием о проблемах. Понятно, что Москва с ее разнообразием легальных и нелегальных форм экономической деятельности, огромным объемом задействованных финансовых и трудовых ресурсов, в том числе «привозных», активизацией в последние годы программ строительства и благоустройства ярко демонстрирует все описанные неблагоприятные явления.

Присутствующие во многих интервью нарративы, в которых миграция «вписана» в контекст «коррупции», были построены двояким образом. Респондент обсуждает какую-либо городскую социально-значимую проблему, затем в беседе происходит «соскальзывание» на тему миграции, поскольку для человека она является «естественным» и ожидаемым продолжением давно сложившейся «неблагоприятной ситуации». Например, обсуждается, почему в городе не могут качественно отремонтировать дороги:

Р. Тот же самый хозяин, который руководит этим предприятием ремонтно-строительным каким-нибудь, ему не надо это. Он один раз получит за эту дорогу, и все. А дальше? А так он каждый год туда-сюда ходит, ремонтирует, деньги снимает. Дороги плохие — правительство московское платит. А замены нет. Бизнес поделен. Он здесь уже закрепился, у него связи, естественно, в том же правительстве Москвы. Механизм отлажен...

И. Решение есть, но его трудно реализовать...

Р. Вся эта структура построена с использованием неквалифицированного труда [мигрантов]. А чтобы ее разрушить, нужна воля политическая. А своих-то жалко, они же свои (муж., 63 г., высш. техн. обр., охранник в частной фирме).

Во втором варианте нарратива наблюдения/мнения респондента о миграции и мигрантах «развертываются» далее в более общую оценку социально-политической проблемы. Например, говорится о «резиновых квартирах» и ужасных условиях, в которых живут мигранты:

Р. Чтобы так жить... около 3800 за это место... Там одна киргизка квартиру снимала себе...

И. А потом пересдает?

Р. Потом она набирает своих братьев и селит. С хозяйкой договорилась, что сама там будет жить, примерно 30 тыс. в месяц

выходит, а если 18 человек по 3800? Вот уже мафия здесь организовывается... [Полиция] видит все, знает все. По телевизору смотришь — каждый день их сажают, сажают, и всё равно им пихают и пихают... Ну что за народ? (муж., 66 лет, ср. обр., вахтер на пенсии).

При анализе нарративов «коррупции» также обращает на себя внимание то, что буквально все респонденты — от бизнесмена до учительницы, от пожилой пенсионерки до вчерашней студентки — прекрасно представляют себе противозаконные схемы привлечения труда мигрантов: *«Их для того и привезли, чтобы обманывать и класть на карман»* (мужчина, 66 лет, ср. обр., вахтер на пенсии). Мигрантов видят «встроенными» (не по их воле) в эту систему, возникшую задолго до их появления и способную пережить в том числе и саму международную трудовую миграцию. При этом собственно мигрантов респонденты обычно не обвиняют. Например, люди, рассказавшие о неудачном (своем или знакомых) опыте устройства на работу из-за того, что они, мол, москвичи, а не мигранты (мигрантам «можно» платить мало), винили систему: *«Каждый москвич хочет устроиться на работу официально, а сейчас официально никто никого не хочет устраивать, очень много налогов, очень много...»* (жен., 35 лет, ср.-спец. обр., парикмахер).

«Коррупционное наполнение» общественно-политической жизни в Москве и стране в целом сохраняется, что, видимо, не даст «утихнуть» этому контекстуальному фактору, сквозь призму которого москвичи воспринимают феномен миграции и самих мигрантов. Громкие события последних лет, в очередной раз напомнившие публике о неформальных практиках «крышевания», «прикрытия» и прочего в связи с деятельностью мигрантов (столкновения на Хованском кладбище в 2016 г., инцидент в торговом центре в Люблино в сентябре 2017 г.), судя по неформальному обмену мнениями с некоторыми из прежних информантов, укрепили москвичей в их оценках.

Второй «контекстуальный» фактор, часто переплетенный в интервью с темой миграции и определяющий отношение к ней, укладывается в концепт «защищенного локального пространства» (*defended neighbourhood theory*) (Bevelander, Otterbeck 2010: 407). Речь идет о том, что в условиях быстрых изменений локальных условий жизни (в нашем случае — на уровне города, микрорайона, двора) у людей теряется ощущение привычности, комфортности среды обитания. Эти изменения имеют как минимум две составляющие: трансформация городской среды в ее материальной форме и появление новых, непривычных взгляду людей. В Москве как постиндустриальном мегаполисе уже давно почти утрачены тради-

ции «соседства», локальной поддержки и взаимодействия. Вот почему, когда появляется множество «других», москвичи видят в этом факте зримое воплощение краха «старого мира». Хотя этот мир ушел гораздо раньше, еще в ходе социально-экономических сдвигов советского и постсоветского времени, до начала фазы активных трудовых миграций было не столь много наглядных доказательств его разрушения. Казалось, что все вокруг «наши», и было спокойно. Теперь многие стали визуально «не наши», и потому, с точки зрения респондентов, появились основания для тревоги.

Такое восприятие отличительности мигрантов тесно переплетается с отношением к их численности. Мысль о том, что на реакцию местных жителей оказывает влияние страх, что «их у нас стало очень много», независимо от реальных масштабов миграции, уже высказывалась исследователями (см.: Escandell, Seobanu 2009: 64–65; Böltken 2003: 236–237). В Москве, по данным РОМИРа, около 60% опрошенных считают, что там, где они живут, мигрантов свыше 40%. Эта фантастическая цифра как раз и возникла из страхов, раздражения и усталости, рожденных, во-первых, трудностями адаптации к ломке привычной среды; во-вторых, неосведомленностью о причинах концентрации мигрантов в том или ином месте и об их роли в развитии города; наконец, спецификой Москвы как огромного, перегруженного людьми мегаполиса.

Перенаселенность Москвы — третий характерный для столицы контекстуальный фактор восприятия миграции, тесно связанный с дискомфортом ломки «локальных пространств». Усталость от толпы и транспорта, утомляющее многолюдье усугубляют ощущение, что приезжих «много» и их число «всё возрастает», а также порождают стремление избегать массовых контактов. Однако мигранты не являются тут сердцевиной всех проблем. Исследователи-урбанисты давно обратили внимание на разнообразные формы физического и эмоционального эскапизма горожан по отношению к окружающим, независимо от их расы/этничности. Е. Трубина, рецензируя одну из недавних западных работ по этнографии города, рассказывает о статье, посвященной психологической подоплеке использования стереонаушников — это по сути вежливый способ абстрагироваться от «других». Она далее ссылается на Г. Зиммеля, «впервые подчеркнувшего важность игнорирования горожанином окружающих, избегания контакта с ними и культивирования антипатии к другим как способов сберечь эмоциональную энергию» (Трубина 2014: 129).

Кстати, в связи с проблемой «перенаселенности» становится более понятной повышенная настороженность москвичек по отношению к миг-

рантам (по опросу РОМИРа)*. Судя по нашим интервью, подобное отношение обычно не сопровождается осознанными антимигрантскими установками. Оно сводится скорее к чувству «небезопасности» в ситуациях, когда рядом, скажем, на пустынной улице или в отдаленной части рынка, оказывались большие группы мигрантов-мужчин. Причем после уточнения выяснялось, что такое же чувство страха могло возникнуть и при встрече с толпой «русских» мужчин. Однако вероятность встретить в Москве большую группу объединенных по какому-то признаку мужчин-немигрантов не так велика (воинские части, футбольные матчи и заезды байкеров не относятся к числу мест повседневного посещения). А вот мужчины-мигранты уже «объединены» в сознании женщины в условную «толпу» своей непохожестью и непривычностью.

**Краснодар: «Мы всегда жили рядом, учились отношениям»,
но «эти москвичи понаехали, всё захватили»**

Массив интервью, записанных в Краснодаре, рисует во многом отличную картину восприятия местными жителями мигрантов и миграции. Во-первых, сильно разнятся объекты этого восприятия. Для респондентов в Москве «мигранты» ассоциируются в первую очередь с выходцами из Центральной Азии. Они бросаются в глаза в публичных городских пространствах из-за своей значительной численности и занятости в разнообразных сферах (строительство, транспорт, общественное питание и пр.). Кроме того, выходцы из этого региона в силу физико-антропологических особенностей и отсутствия длительных традиций проживания в европейской части России и, в частности, в Москве воспринимаются как явные и непривычные для глаза «другие». Люди, именуемые в народном лексиконе «кавказцами», упоминались москвичами в единичных случаях и в основном в качестве знакомых (коллег, соседей и пр.). А вот в Краснодаре мигрантов из Центральной Азии гораздо меньше, их привозят на конкретные стройки, рядом с которыми они и проживают, поэтому они незаметны в городе. Почти никто из респондентов (за исключением местных экспертов) не мог объяснить, где эти люди работают и где их можно увидеть.

Однако в Краснодарском крае в силу «истории с географией» на первый план выходит проблема Северного Кавказа и отношений с представителями этих республик, которые в большинстве случаев трудовыми

---

* Москвички практически по всем вопросам анкеты продемонстрировали более негативное отношение к мигрантам, чем россиянки, опрошенные по общероссийской выборке.

мигрантами не являются (по типу «приехал — заработал — уехал»). Многие выходцы оттуда постоянно живут и работают в Краснодаре, находясь там, как граждане России, на законных основаниях.

Во-вторых, различается характер общения с «мигрантами». Если в Москве респонденты воспринимают мигрантов (а это, как уже указывалось выше, в первую очередь выходцы из трех стран Центральной Азии) как абстрактную массу, лишенную каких-либо индивидуальных этнокультурных черт, нарративы краснодарцев гораздо более персонализированы. Интервью полны историй об общении с конкретными людьми других национальностей, будь-то соседка, сокурсник, коллега, продавщица на рынке и пр. Это общение не всегда гармонично и бывает весьма напряженным, и тут весьма значимой для людей оказывается проблема по-разному понимаемых культурных норм, (не)допустимости «этнодекларативного» поведения, а также, в более широком аспекте, проблема взаимосвязи этничности и социально-экономического статуса, этничности и культуры, этничности и территории. Контрагентами краснодарцев при проговаривании и осмыслении этих запутанных сюжетов являются в первую очередь представители северокавказских республик, а также «большого Кавказа» в целом (включая, например, армян — вторую по численности, после русских, этническую группу Краснодарского края).

В-третьих, расхождения в восприятии мигрантов москвичами и краснодарцами проявляются в различиях терминов, которыми описывают этнокультурных «других». В Москве слово «мигрант» — органичная часть языка самих респондентов, его активно используют для обозначения выходцев из Центральной Азии. В Краснодаре же последних называют *гастарбайтерами* (как отмечалось выше, по инициативе респондентов о них упоминалось редко). В Краснодаре в ходу не слово «мигранты», а «приезжие»; именно оно является привычным для рядовых жителей города, наряду с более конкретными обозначениями: «мусульмане», «люди с (Северного) Кавказа», «кавказцы». Часто упоминались также представители конкретных этнических групп.

Таким образом, при изучении низовой ксенофобии в Краснодаре уместнее говорить об отношении не к «мигрантам», а к представителям различных этнических меньшинств. В связи с этим могут, на наш взгляд, возникнуть сложности с интерпретацией ответов на вопросы РОМИРа в ситуации расхождения между исследовательским языком и языком респондентов. На образ какого «другого» ориентировались, например, краснодарцы, отвечая на вопросы об «угрозе, которую несут мигранты», о «необходимости мигрантов для развития экономики» и пр.?

Наконец, судя по материалам интервью, в городе выделяются две особые группы людей, разнящиеся своим отношением к «приезжим» и меньшинствам. Если первые склонны к позитивному или по меньшей мере нейтральному восприятию этнических «других», вторые отличаются недоверием к любым «чужим», новым людям, независимо от национальности. Такого рода «неформальные» группы трудно (если вообще возможно) вычлениить в ходе массовых опросов, изначально ориентированных на деление респондентов по стандартным критериям: пол, социально-демографический статус, уровень образования и пр.

Наличие первой группы определяется историко-географическими особенностями территории, на которой расположен Краснодар, и историей самого города Екатеринодара, который, даже будучи в статусе закрытого «войскового» (казацкого) поселения, не был мононациональным. Впоследствии этнокультурная пестрота нарастала, что предопределило привычность нахождения в городе людей разных национальностей, в том числе ассоциирующихся с «Кавказом»: *«Говорить о том, что вдруг стало больше представителей северокавказского типа, достаточно трудно, потому что их всегда было немало»* (мужчина, русский, 38 лет, высш. обр., журналист). Достаточно сказать, что город фактически соседствует с Адыгеей (многие жители близлежащего Адыгейска каждый день приезжают в Краснодар на работу). Поэтому местные эксперты-краеведы характеризуют город как «южнороссийский» или «предкавказский»: *«Москва формально — это русский город. Но кто сказал, что Краснодар — что он формально русский город? Здесь Адыгея, до 1937 г. центр Адыгеи находился в Краснодаре»* (муж., русский, 60 лет, высш. обр., преподаватель).

В такой ситуации, как отмечали наши собеседники разных возрастов и социальных статусов, городские жители постепенно притерлись друг к другу, а также «перемешались» посредством межэтнических браков:

— *«нормы поведения вырабатывались десятилетиями, если не веками»* (мужчина, русский, 38 лет, высш. обр., журналист);

— *«В целом в городе терпимо относятся; это еще объясняется тем, что у нас всегда было много лиц кавказской национальности, и мы привыкли»* (женщина, русская, 67 лет, высш. обр., смотритель в музее);

— *«острой ксенофобии или мигрантофобии нет, у нас слишком перемешанное население, ненавидеть самих себя достаточно сложно»* (жен., еврейка, 73 г., высш. обр., преподаватель).

С одной стороны, учитывались издержки возможного нарушения неписанных правил:

Нельзя говорить, что это было такое уж добрососедство, но все знали, что при возникновении каких-то конфликтных ситуаций... то есть, обидев адыгейца на улицах Краснодара, ты сразу получаешь кучу проблем в лице его друзей и родственников, а на уровне не только простых людей, но и какого-то слоя считалось, что мы сосуществуем, и всё более-менее нормально (муж., русский, 38 лет, высш. обр., журналист).

В то же время «шероховатости» мог сглаживать фактор «привычности» сложившихся моделей общения:

Мы всегда жили рядом, учились отношениям. И всегда находили общий язык... Бывают конфликты, но с кем их не бывает? Конечно, есть национальная окраска в поведении ребят-адыгов, но это всегда было, мы уже привыкли. На что-то закрываешь глаза, списываешь на самобытность какую-то. Опять же, это те, кто привык. Кто не привык, для них это кажется диким, острым и опасным (муж., русский, 45 лет, высш. обр., ветеринар).

Именно те местные жители, кто «привык», и составляют эту условную группу с толерантно-нейтральным отношением к этническим «другим» (многое зависит, конечно, от индивидуальной биографии, профессии, места проживания и пр.). Сюда входят не только уроженцы или многолетние жители города, но и те, кого называют «кавказскими русскими» — переселившиеся в Краснодар из различных республик Северного Кавказа.

Говоря о второй группе «подозрительных» по отношению ко всем «приезжим» жителей Краснодара, тоже нужно иметь в виду некоторые локальные особенности. Отметим раскулачивание в форме расказачивания на территории края, когда жители целых станиц выселялись и быстро замещались новоприбывшим населением. Неприязнь (если не сказать больше) к последнему ярко проявилась во время оккупации: *«На территории Кубани все жестокости Второй мировой войны связаны с тем, что у нас фактически возобновилась война гражданская»* (жен., еврейка, 73 г., высш. обр., преподаватель), — что могло в том или ином виде дойти до наших дней по каналам семейной памяти. Кроме того, необходимо учитывать исторически сложившийся в регионе консерватизм и «охранитель-

ное сознание»: «Некая нелюбовь к переменам, особенно резким, и желание сохранить существующий порядок, в первую очередь, порядок своей жизни... это в городе присутствует», причем «русское население для такого традиционного, консервативного казачества тоже считается пришлым» (муж., русский, 38 лет, высш. обр., журналист).

Приток в город жителей сельских районов края, а также постоянное увеличение числа потенциальных «раздражителей» за счет «приезжих» со всех концов России, желающих купить жилье и осесть в южном городе, не способствуют ослаблению этих настроений. Краснодар — весьма привлекательный для переселения город, каких немного в России. Так, по рейтингу регионов, составленному по 72 показателям социально-экономического развития и качества жизни, край устойчиво занимает пятое-шестое места после таких очевидных лидеров, как Москва с областью, Санкт-Петербург и Татарстан (Качество жизни в российских регионах). Сюда едут в поисках комфортной старости военные и иные пенсионеры, люди с «северными деньгами», а также, конечно, просто люди «с деньгами», порождая соответствующие настроения:

У нас могут одинаково негативно отнестись и к чеченцу, и к москвичу: «Эти москвичи запарили уже, понаехали тут, всё захватили» (муж., русский, 45 лет, высш. обр., краевед).

Если обобщить результаты полевых исследований в Краснодаре, контекстуальными факторами, устойчиво присутствующими в интервью его жителей в связи с миграцией, является тема «Кавказа» и близкая к ней тема «культуры»*. Интересным примером переплетения затрагивающих эти темы интерпретаций и ассоциаций становятся многочисленные комментарии респондентов по поводу лезгинки. Это собирательное название танцев многих северокавказских народов, по сути, визитная карточка «кавказской» культуры в ее подчеркнуто мужском воплощении. Большая часть интервью содержала размышления, касающиеся не просто лезгинки как таковой, а фактов исполнения ее в общественных местах Краснодара и других городов края выходцами из северокавказских республик.

---

* Мотив «коррупции» (в вышеозначенном понимании) в интервью рядовых краснодарцев отсутствовал, хотя трудно предположить, что связанные с привлечением (не)легального труда мигрантов теневые схемы и прочее в Краснодаре не используются (об этом аспекте миграционной ситуации в городе говорили лишь эксперты).

Интерес к данному сюжету демонстрирует и заметное присутствие темы лезгинки на страницах и форумах электронных изданий (см., напр.: Туровский 2013; блоги Н. Нефляшевой на сайте «Кавказский узел»). Оживление дискуссии обычно бывает вызвано очередным фактом публичного исполнения лезгинки и последующей (жесткой) реакции местных властей (один из последних эпизодов такого рода произошел в курортной зоне Геленджика в августе 2017 г.). Упоминания о лезгинке встречаются и в научных работах о межэтнических отношениях и их регулировании на юге России. В частности, о ней пишут как о ярком проявлении, в глазах властей и населения, цивилизационного водораздела, мощного культурного барьера между «русскими» и выходцами с Северного Кавказа (Blakkisrud, Kolstø 2017: 377).

Остановимся более подробно на теме лезгинки, вызвавшей живую реакцию информантов. Анализ их высказываний позволяет нащупать важные глубинные причины социокультурного напряжения в отношениях краснодарцев и прочно ассоциируемых с лезгинкой этнических «других», привлекая наше внимание, в частности, к представлениям русских о своей «этнической культуре», локальным проявлениям так называемого культурного расизма, а также известных механизмов возникновения этнической неприязни («культурное непонимание» и различия в статусных позициях).

Могут ли условные «русские», т.е. не принадлежащие к северокавказским этническим группам представители принимающего населения, противопоставить публичному исполнению лезгинки что-либо «свое», такое же захватывающее, яркое, запоминающееся? И хотят ли они этого? Судя по материалам интервью, негативизм по отношению к данному явлению (*«На день города была драка, наши местные побили, что они устроили в наш праздник лезгинку среди города, не было слышно казачьего выступления»* /жен., русская, 31 г., высш. обр., риэлтор/) может быть связан с положительным ответом на второй вопрос. Как отметил, например, один из экспертов, *«местные националисты в пику пытались устраивать русские хороводы, но без особого успеха»*.

А вот ответ на первый вопрос скорее будет отрицательным, и причины этого коренятся в особой роли русских в рамках дореволюционного и, позднее, советского социально-политического порядка — роли, обусловившей особое положение их языка и культуры. Так, русско-советская культура развивалась в первую очередь как идеологическая опора режима, а не как вместилище собственно русского этнического сознания. Русский язык и культура в этом контексте не были ценностью исключительно русских, равно как их главным этническим маркером. Самими

русскими и представителями других этнических групп они устойчиво воспринимались как широкое понятие, неотделимое от советизированного городского образа жизни, присущих ему ценностей и привычек, а не как набор фольклорных стереотипов русскости. В наибольшей степени это «освобождение» русского языка и культуры от этнических коннотаций и эмоциональных «привязок» к русским как особой этнической группе типично для территорий имперской колонизации, где так называемые переселенческие сообщества формировались как многонациональные и преимущественно индустриально-урбанистические (см.: Melvin 1998; Kosmarskaya, Kosmarski 2018). Неудивительно поэтому, что, по данным наших исследований в Центральной Азии, многие оставшиеся там русские, особенно жители больших городов, с большим скепсисом и без всякого энтузиазма воспринимают попытки российских структур, отвечающих за «культурную политику» и «работу с соотечественниками», найти путь к сердцу последних через «чаепития с самоваром», концерты ансамблей балалаечников или казачьих хоров.

В самой полиэтничной России, пережившей массовое раскрестьянивание и индустриализацию, понятие «русской культуры» (как части мировой) также постепенно лишилось собственно этнических черт — по отношению и к «высокой», профессиональной культуре, и к бытовым ее формам. В первую очередь этот процесс затронул этнически пестрые территории с высокой переселенческой активностью, подобные Краснодарскому краю. Симптоматично, что, отвечая на мой вопрос о том, что сами жители города танцуют в «общественных местах», респонденты могли вспомнить только о пожилых людях, которые иногда танцуют в парках вальс и танго. На наш взгляд, явное отсутствие абсолютно узнаваемого, наполненного значимой символикой, консолидирующего культурного символа у «русских» (в нашем случае, у краснодарцев и других жителей южных российских городов) в ситуации, когда рядом проживают народы, имеющие и часто демонстрирующие такой символ, становится одной из важных слагаемых недовольства по поводу публичного исполнения лезгинки и, шире, присутствия «кавказцев» в городе.

Еще один фактор такого недовольства связан с проблемой «чья эта земля?» и «кто здесь хозяин?», т.е. кто обладает здесь определенными статусными позициями. Студенты Кубанского университета разных национальностей (армянка, русский, татарин), рассказывая о своих впечатлениях, связанных с исполнением лезгинки или песен на чеченском языке в стенах вуза и рядом с ним, отмечали при этом: *«Сидел бы американец и пел на английском языке — все бы улыбались и хлопали»; «если бы какой-нибудь африканец достал барабан, играл и пел, я бы рассмеялся и похло-*

нал!» В ответах на вопрос о причинах дифференцированного отношения к исполнению песен и танцев упомянутыми «некавказцами» и «кавказцами» явно слышны мотивы, отсылающие к распределению ресурсов и обладанию статусом: «Они здесь ни на что не претендуют, просто вышли попеть»; «им же здесь ничего не нужно».

Действительно, как уже отмечалось, многие выходцы из северокавказских республик проживают в городе давно. В отличие от временно работающих здесь «гастарбайтеров» из Центральной Азии или студентов из разных стран мира, они стремятся осесть, устроиться на работу, завести свой бизнес и пр. У местных жителей, которым об этом хорошо известно, возникают опасения, что публичные проявления этнокультурной идентичности могут привести к повышению социального статуса членов группы этнических «других». Этот статус в глазах краснодарцев уже выглядит несправедливо «завышенным», отсюда жалобы на то, что «сейчас все торговые места, рынки заволокли нерусские люди» (жен., русская, 31 г., высш. обр., риэлтор)*. А реальные (или воображаемые) перепады в статусе принимающей и «пришлой» группы (*power hierarchies*) — одна из основных причин возникновения этнической неприязни (Hagendoorn 1993).

Более того, имеет значение и то, на «чьей территории» имеют место такие публичные демонстрации. В самих республиках Северного Кавказа, по свидетельству долго живших там респондентов, русские относятся лояльно к публичному исполнению лезгинки и сами с удовольствием ее танцуют. Исторически сложивший в России принцип национально-территориального устройства немало поспособствовал тому, что в сознании людей каждая «нация» ассоциируется со «своей» территорией. Отсюда неизбежно возникает дискурс «принадлежности» («коренные» vs «пришлые») и допустимости реализации тех или иных прав (в том числе и права на этнокультурное самовыражение) на «чужой» территории. В частности, ученые давно предупреждают о потенциальных конфликтах, связанных с тем, что в Конституции России говорится о «многонациональном народе», а не, к примеру, о народе как носителе многих культур (см., напр.: Mikhailova 2011: 529–530).

---

* Интересно, что эти жалобы высказывались в том числе и людьми, родившимися или долгое время жившими на Кубани, где массовое присутствие «нерусских» на рынках, как отмечали эксперты, явление отнюдь не новое: «Здесь несерьезная проблема, что мигранты вытесняют условно русское население с рынков, потому что традиционно они там и торговали, еще в советское время» (муж., русский, высш. обр., 38 лет, журналист).

Своеобразным итогом размышлений респондентов о «праве на территорию» и реальных и воображаемых статусных иерархиях в городе в связи с исполнением лезгинки может служить диалог со студентом из Белоруссии:

И. А почему вам не нравится, что это делает чеченец или адыг?

Р. Мне это не то чтобы не нравится, я просто этого не понимаю. Я могу понять русских, которым это не нравится. Вот именно в эти моменты они понимают, что они живут в России, это их страна, и потихоньку она уходит у них из-под рук. Как-то так...

И. Это с точки зрения русских?

Р. Да. И еще, может, человека кто-то обидел, и он проявляет эту ненависть, он считает, что я живу в своей стране, меня обидели на моей земле, поют чужие песни, и я должен этому радоваться? Нет.

Еще один важный момент, который необходимо иметь в виду при интерпретациях отношения к декларативному этнокультурному поведению, в частности, к публичному исполнению лезгинки, ярко демонстрирует следующее высказывание:

Р. Мне кажется, людей раздражает наглость, с которой это все делается. Они считают, что эти люди могут все себе позволить, они ведут себя очень нагло. Они забывают, на самом деле, что эти люди танцуют танец национальный, который не каждый умеет танцевать, на который можно посмотреть и похлопать, как если бы бразильцы самбу танцевали в нарядах. Но люди про это забывают, потому что это наглость, как они считают.

И. Вы считаете, действительно наглость есть или нет?

Р. Наглость, может, и есть, но ее совсем чуть-чуть; если ее убрать, никакой это не будет национальный танец, ведь он на этом и строится. По большому счету, на кавказцев посмотришь, они сами по себе нагло выглядят, так они сложены: эти бороды, в шапке, нож. Я про национальные танцы (муж., армянин, высш. обр., 40 лет, преподаватель).

Здесь мы имеем дело с ярким примером «культурного непонимания» (*cultural misunderstanding*) — еще одной важной причины возникновения этнической неприязни. «Объяснение возникающего предубеждения состоит в том, что поведение членов аут-группы оценивается не на основе его собственного культурного содержания, а на основе ценностей “своей” группы» (Hagendoorn 1993: 27).

Наконец, в связи с лезгинкой стоит также затронуть тему «культурного расизма». Судя по материалам интервью, респонденты нередко ставят в один ряд проявления бытовой и этнической культуры: *«Они ведут себя как у себя дома, в парке они могут стоять и плевать. Все равно их видно, невоспитанных людей. Если машина, то обязательно громкая музыка, толпа, лезгинка на Красной [главная улица Краснодара. — Н.К.]»* (женщина, русская, высш. обр., 40 лет, работник банка). Бытовое поведение, как известно, имеет свои неписанные правила, определяемые социокультурной средой, а в специфических ограничительных условиях города также регулируется официально (законы о тишине и пр.). Если данные нормы не соблюдаются, горожане начинают испытывать очевидные неудобства, а вызванное этим недовольство невольно переносится на носителей и демонстраторов ярких, привлекающих всеобщее внимание образцов этнической культуры (в частности, исполнителей лезгинки). Я бы назвала это явление «неосознанным» или вынужденным «культурным расизмом». Задачи властей, СМИ и гражданского общества — научить людей разделять два названных типа культурного поведения и помочь им адаптировать «традиции» к требованиям городской среды. Перевод хотя бы части культурных претензий к мигрантам в «бытовую плоскость», не связанную с их этноконфессиональной спецификой, поможет, на наш взгляд, деэтнизировать проблему взаимоотношений различных городских сообществ и снизить тревожность в восприятии «чужих» культур.

* * *

Каждый крупный российский город — это своеобразная площадка взаимодействия разных групп людей, различающихся местом рождения, культурой, языком, вероисповеданием и пр. На наш взгляд, нам очень не хватает сравнительных исследований, нацеленных не на создание усредненной общероссийской картины, а на поиск региональной специфики такого взаимодействия.

Как показывает анализ интервью, в Москве миграция и мигранты рассматриваются в основном сквозь призму социально-политических и социально-экономических аспектов российской/городской жизни (где мигранты не являются ключевым звеном), в то время как в Краснодаре в фокусе внимания респондентов — социокультурные и этнокультурные моменты, «заземленные» именно на разного рода «других». Если бы мы полагались лишь на результаты массовых опросов, эти и иные описанные в статье различия остались бы незамеченными.

Москвичи, отвечая, например, на абстрактные вопросы РОМИРА о мигрантах (зачастую это были вопросы с весьма «сильными» формули-

ровками), выглядят гораздо большими ксенофобами, чем жители Краснодара. Пытаясь понять причины этих различий, на наш взгляд, не стоит использовать клише и поддерживать стереотипы, в частности, о «зажравшихся» москвичах. Интервью с ними ясно показывают, что в силу специфики московской ситуации (национальный состав мигрантов, особенности их занятости, «психологическое давление» большого города и др.) люди воспринимают доминирующих среди мигрантов выходцев из Центральной Азии как абстрактную массу, лишённую каких-либо персонализированных черт. Налицо два «параллельных», слабо пересекающихся между собой мира, контакты между которыми мимолетны или вообще отсутствуют (подробнее о роли контактов в отношениях мигрантов и местного населения и о восприятии москвичами таких контактов см.: Kosmarskaya, Savin 2016). В подобной ситуации, на наш взгляд, общественное мнение гораздо сильнее подвержено воздействию далеко не нейтральных стереотипов, продуцируемых СМИ*. Это и отражают массовые опросы в Москве.

Так, по данным РОМИРа, 30% опрошенных москвичей были «полностью согласны» с мнением, что «ислам становится угрозой социальной стабильности и русской культуре», ещё 43% были «скорее согласны». Эта довольно «сильная» формулировка, скорее всего, наваяна популярными в российских СМИ и экспертном сообществе алармистскими дискурсами, оценивающими миграцию с позиций «этнокультурной безопасности», «территориального этнического баланса» и т.п. Такой результат контрастирует с материалами интервью: в Москве, в сравнении с социально-политическим «контекстом», этнокультурная специфика присутствующих в городе мигрантов волновала респондентов гораздо меньше. В ходе наших бесед практически никто из них не затронул по собственной инициативе тему ислама, никто не трактовал тему «иной культуры» в контексте «угрозы», не было содержательных высказываний, к примеру, о специфике культуры народов Центральной Азии. Когда вопросы о «культуре» поднимались исследователями в конце интервью, говорилось в основном, в весьма общих выражениях, о появлении в городе множества незнакомых людей, которые (зачастую громко) говорят на непонятном языке между собой и по телефону, слушают громкую музыку. Очевидно, что к собственно этнической культуре, этноконфессиональной специфике мигрантов это не имеет прямого отношения.

---

* Во многих работах отмечается, что СМИ нередко провоцируют антимиграционные настроения, причем не только в России, но и в европейских странах (Степанов 2016: 112–114; Якимова 2015; Schenk 2012: 798; Pausch 2016; Blakkisrud, Kolstø 2017: 379).

Интересно, что, отвечая на один из немногих вопросов московской анкеты, апеллирующих к знакомству людей с реальным положением дел и с реальными мигрантами, респонденты представили в основном нейтральные или позитивные реакции. Имеется в виду вопрос о качестве работы в Москве дворников (узбеков, таджиков, киргизов). Так, хотя 22,5 % опрошенных РОМИР предпочли опцию «Мигранты из Средней Азии убирают плохо, наши справились бы лучше», 45 % выбрали иной вариант: «Где-то они убирают лучше, где-то хуже, неважно, кто дворник», а 24,3 % согласились с тем, что «мигранты из Средней Азии работают лучше, чем наши».

Проблема отношения к мигрантам и с мигрантами во многом является исследовательской целиной. Ученым нужно задавать себе разные вопросы при изучении восприятия разного рода «других» в российских городских контекстах. Метод непровоцирующего интервью может, на наш взгляд, стать действенным инструментом при поиске ответов на эти вопросы. Кроме рассмотренных в статье сюжетов из интервью, ценным материалом для дальнейшего анализа могут стать содержащиеся в них «рассказы» о различных жизненных ситуациях (включающих «приезжих»), в которых респонденты были наблюдателями или участниками. Такие сведения, обычно не фиксируемые опросами, не только содержат информацию о мнениях и оценках людей, но и косвенным образом свидетельствуют об их возможных поведенческих стратегиях в разнообразных ситуациях взаимодействия — конфликтных, нейтральных или позитивных. Анализ этого полевого материала мог бы пролить свет также на то, в каких ситуациях и под влиянием каких обстоятельств личного и социального свойства люди готовы оценивать конкретных контрагентов общения как индивидов (а они имеют право быть как «хорошими», так и «плохими»), а когда переносят на них циркулирующие в информационной среде и исторической памяти стереотипы и предубеждения.

Литература

Гладырев Б. (2009) Этнические мигранты на улицах Петербурга. *Мониторинг общественного мнения*, 2(90): 221–230.

Козлова М.А. (2015) «Гости столицы» в глазах москвичей: моральное обоснование оценок миграции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 19(3): 110–122.

Степанов В.В. (2016) Общественное восприятие миграции и мигрантов в современной России. Степанов В.В. (ред.). *Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений*. М.: ИЭА РАН: 112–117.

Татарко А.Н. (2009) Роль воспринимаемой угрозы в отношении москвичей к мигрантам. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. (ред.). *Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России*. М.: РУДН: 141–165.

Трубина Е.Г. (2014) Рец. на: The Urban Ethnography Reader. Ed. by M. Duner, Ph. Kazinitz, A. Murphy. Oxford University Press, 2014. *Сибирские исторические исследования*, 2: 126–133.

Якимова О.А. (2015) Медиадискурс иностранной миграции в Россию в контексте конструирования межэтнического взаимодействия. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 19(3): 123–136.

Bevelander P., Otterbeck J. (2010) Young People's Attitudes towards Muslims in Sweden. *Ethnic and Racial Studies*, 33(6): 404–425.

Bilodeau A., Fadol N. (2011) The Roots of Contemporary Attitudes Toward Immigration in Australia: Contextual and Individual-Level Influences. *Ethnic and Racial Studies*, 34(6): 1088–1109.

Blakkisrud H., Kolstø P. (2017) Stavropol as «Russia's Kosovo»? Nationalist Mobilization and Public Response in a Russian Region. *Post-Soviet Affairs*, 22(5): 370–388.

Böltken F. (2003) Social Distance and Physical Proximity: Day-to-Day Attitudes and Experiences of Foreigners and Germans Living in the Same Residential Areas. In: Alba R., Schmidt P., Wasmer M. (eds.). *Germans or Foreigners? Attitudes toward Ethnic Minorities in Post-Reunification Germany*. N.Y.: Palgrave MacMillan: 233–254.

Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., Grancea L. (2006) *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton: Princeton University Press.

Escandell X., Ceobanu A.M. (2009) When Contact with Immigrants Matters: Threat, Interethnic Attitudes and Foreign Exclusionism in Spain's Comunidades Autónomas. *Ethnic and Racial Studies*, 32(1): 44–69.

De Fina A. (2003) *Identity in Narrative. A Study of Immigrant Discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.

Foxall A. (2012) Post-Soviet Ethnic Relations in Stavropol'skii Krai, Russia: «A Melting Pot or Boiling Shaft»? *Europe-Asia Studies*, 64(9): 1758–1779.

Hagendoorn L. (1993) Ethnic Categorization and Outgroup Exclusion: Cultural Values and Social Stereotypes in the Construction of Ethnic Hierarchies. *Ethnic and Racial Studies*, 16(1): 26–51.

Kosmarskaya N., Savin I. (2016) Everyday Nationalism in Russia in European Context (Moscow Residents' Perceptions of Ethnic Minority Migrants and Migration). In: Kolstø P., Blakkisrud H. (eds.). *The New Russian Nationalism, 2000–2015: Imperialism, Ethnicity, Authoritarianism*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 132–159.

Kosmarskaya N., Kosmarski A. (2018) «Russian Culture» in Central Asia as A Trans-Ethnic Phenomenon. In: Platt K. (ed.). *Global Russian Cultures*. Madison: University of Wisconsin Press (в печати).

Malakhov V.S. (2014) Russia as New Immigration Country: Policy Response and Public Debate. *Europe-Asia Studies*, 66(7): 1062–1079.

Melvin, N.J. (1998) The Russians: Diaspora and the End of Empire. In: King Ch., Melvin N.J. (eds.). *Nations Abroad. Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union*. Boulder: Westview Press: 27–57.

Mikhailova Yu. (2011) Electronic Media and Popular Discourse on Russian Nationalism. *Nationalities Papers*, 39(4): 523–546.

Pausch F. (2016) Media Influence on the Public Perception of Migrants and Migration in Germany. In: Rozanova M. (ed.) *Labour Migration and Migrant Integration Policy in Germany and Russia*. St. Petersburg: St. Petersburg State University: 147–152.

Peđziwiatr K. (2017) Islamophobia in Poland: National Report 2016. In: Bayrakli E., Hafez F. (eds.). *European Islamophobia Report 2016*. Istanbul: SETA. Foundation for Political, Economic and Social Research: 411–442.

Schenk C. (2012) Nationalism in the Russian Media: Content Analysis of Newspaper Coverage Surrounding Conflict in Stavropol, 24 May–7 June 2007. *Nationalities Papers*, 40(5): 783–805.

Schenk C. (2013) Controlling Immigration Manually: Lessons from Moscow (Russia). *Europe-Asia Studies*, 65(7): 1444–1465.

Semyonov M., Gorodzeisky A., Raijman R. (2006) The Rise of Anti-Foreigner Sentiments in European Societies, 1988–2000. *American Sociological Review*, 71(3): 426–449.

Sides J., Citrin J. (2007) European Opinion about Immigration: the Role of Identities, Interests, and Information. *British Journal of Political Science*, 37(3): 477–504.

Источники

Верховский А. (2013) Мигрантофобия и ее политический потенциал. *Ведомости*. 14.08.2013.

Качество жизни в российских регионах. *РИА Рейтинг. Россия сегодня* [<http://riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html>] (дата обращения: 12.02.2018).

Туровский Д. (2013) Танцуй, Кавказ! Почему лезгинка ссорит народы. *Лента.ру*. 2013, 29 ноября [<https://lenta.ru/articles/2013/11/29/lezginka/>] (дата обращения: 12.02.2018).

“CORRUPTION”, “CROWDS”, AND “LEZGINKA”:
REGIONAL SPECIFICS OF ATTITUDES
TOWARDS MIGRANTS IN PRESENT-DAY RUSSIA
(the Case-Study of Moscow and Krasnodar)

Natalya Kosmarskaya*

Center for Central Eurasian Studies, Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Citation: Kosmarskaya N.P. (2018) “Korruptsiya”, “tolpy” i “lezginka”: regional’naya spetsifika otnosheniya rossiyan k migrantam (na primere Moskvyy i Krasnodara) [“Corruption”, “Crowds”, and “Lezginka”: Regional Specifics of Attitudes towards Migrants in Present-Day Russia (The Case-Study of Moscow and Krasnodar)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(2): 187–213 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.7>

Abstract. In Russia, a place of destination for millions of labour migrants from the former Soviet republics, a highly topical issue of anti-migrant sentiments among the host population has been mainly addressed by researchers via large-scale surveys picturing all Russia with averaged tones. The goal of this paper is to highlight explanatory potential of alternative, qualitative research methods (semi-structured interviewing) for revealing roots and manifestations of regional specifics of xenophobia, taking Moscow and Krasnodar as the case-studies. These two cities, though being largely different in terms of size, historical-demographic background, level of economic welfare and economic activity, share a common feature crucial for the research issue under study: both of them have been for many decades recipients of large amounts of people arriving for a permanent residence or as labour migrants from various parts of Russia and from the «near abroad».

The notion of a “contextual factor” as a determinant of popular attitudes towards migrants is introduced in the paper. What is meant by “context” is that the theme of migrants (migration) arises, is interpreted and understood by respondents in connection with some other, more general topics which throw light on specifics of the “situation around migrants” in a concrete city — specifics usually elusive for large-scale surveys. As interviewing of ordinary people in the two cities testifies, the story (in relation to popular perception of migrants) in Krasnodar is the one about ethnicity and (non)acceptance, by the local residents, of cultural traits of the people whom they call “newcomers”. In Moscow, in contrast, the story is about socio-political situation in the city/country.

The paper seeks to respond to the following questions. 1) What are major concerns of the residents of Moscow and Krasnodar associated with migrants and/or provoked by the presence of numerous migrants in the city? 2) Are there any stable segments of host population inclined to hold a more positive stance towards migrants and, conversely, to display larger intolerance? 3) Do “locals” react differently to migrants of different

---

* E-mail: kosmarskis@gmail.com

ethno-cultural backgrounds and social status, and why? 4) What might be the impact of cultural stereotypes transmitted by the media, on popular attitudes towards migrants?

Keywords: perception of migrants, Russia, ethno-cultural “others”, labour migrants, roots and manifestations of migrantophobia, contextual factors, regional specifics, methods of research.

References

- Bevelander P., Otterbeck J. (2010) Young People's Attitudes towards Muslims in Sweden. *Ethnic and Racial Studies*, 33(6): 404–425.
- Bilodeau A., Fadol N. (2011) The Roots of Contemporary Attitudes toward Immigration in Australia: Contextual and Individual-Level Influences. *Ethnic and Racial Studies*, 34(6): 1088–1109.
- Blakkisrud H., Kolstø P. (2017) Stavropol as “Russia's Kosovo”? Nationalist Mobilization and Public Response in a Russian Region. *Post-Soviet Affairs*, 22(5): 370–388.
- Böltken F. (2003) Social Distance and Physical Proximity: Day-to-Day Attitudes and Experiences of Foreigners and Germans Living in the Same Residential Areas. In: Alba R., Schmidt P., Wasmer M. (eds.). *Germans or Foreigners? Attitudes toward Ethnic Minorities in Post-Reunification Germany*. New York: Palgrave MacMillan: 233–254.
- Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., Grancea L. (2006) *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton: Princeton University Press.
- Escandell X., Ceobanu A.M. (2009) When Contact with Immigrants Matters: Threat, Interethnic Attitudes and Foreign Exclusionism in Spain's Comunidades Autónomas. *Ethnic and Racial Studies*, 32 (1): 44–69.
- De Fina A. (2003) *Identity in Narrative. A Study of Immigrant Discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Foxall A. (2012) Post-Soviet Ethnic Relations in Stavropol'skii Krai, Russia: «A Melting Pot or Boiling Shaft»? *Europe-Asia Studies*, 64 (9): 1758–1779.
- Glad'yev B. (2009) Etnicheskie migranty na ulitsakh Peterburga [Ethnic migrants in the streets of St.-Petersburg]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of the Public Opinion], 2(90): 221–230 (in Russian).
- Hagendoorn L. (1993) Ethnic Categorization and Outgroup Exclusion: Cultural Values and Social Stereotypes in the Construction of Ethnic Hierarchies. *Ethnic and Racial Studies*, 16(1):26–51.
- Kosmarskaya N., Savin I. (2016) Everyday Nationalism in Russia in European Context (Moscow Residents' Perceptions of Ethnic Minority Migrants and Migration). In: Kolstø P., Blakkisrud H. (eds.). *The New Russian Nationalism, 2000–2015: Imperialism, Ethnicity, Authoritarianism*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 132–159.
- Kosmarskaya N., Kosmarski A. (2018) «Russian Culture» in Central Asia as a Trans-Ethnic Phenomenon. In: Platt K. (ed.). *Global Russian Cultures*. Madison: University of Wisconsin Press (in print).
- Kozlova M.A. (2015) «Gosti stolitsy» v glazakh moskvichyey: moral'noe obosnovanie otsenok migratsii [«Guests of the capital» through the Muscovites' eyes: moral explanations of attitudes towards migration]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 19(3): 110–122 (in Russian).

Malakhov V.S. (2014) Russia as New Immigration Country: Policy Response and Public Debate. *Europe-Asia Studies*, 66 (7): 1062–1079.

Melvin N.J. (1998) The Russians: Diaspora and the End of Empire. In: King Ch., Melvin N.J. (eds.). *Nations Abroad. Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union*. Boulder: Westview Press: 27–57.

Mikhailova Yu. (2011) Electronic Media and Popular Discourse on Russian Nationalism. *Nationalities Papers*, 39(4): 523–546.

Pausch F. (2016) Media Influence on the Public Perception of Migrants and Migration in Germany. In: Rozanova M. (ed.). *Labour Migration and Migrant Integration Policy in Germany and Russia*. St. Petersburg: St. Petersburg State University: 147–152.

Peđziwiatr K. (2017) Islamophobia in Poland: National Report 2016. In: Bayrakli E., Hafez F. (eds.). *European Islamophobia Report 2016*. Istanbul: SETA. Foundation for Political, Economic and Social Research: 411–442.

Schenk C. (2012) Nationalism in the Russian Media: Content Analysis of Newspaper Coverage Surrounding Conflict in Stavropol, 24 May–7 June 2007. *Nationalities Papers*, 40 (5): 783–805.

Schenk C. (2013) Controlling Immigration Manually: Lessons from Moscow (Russia). *Europe-Asia Studies*, 65 (7): 1444–1465.

Semyonov M., Gorodzeisky A., Rajjman R. (2006) The Rise of Anti-Foreigner Sentiments in European Societies, 1988–2000. *American Sociological Review*, 71(3): 426–449.

Sides J., Citrin J. (2007) European Opinion about Immigration: the Role of Identities, Interests, and Information. *British Journal of Political Science*, 37(3): 477–504.

Stepanov V.V. (2016) Obshchestvennoe vospriyatie migratsii i migrantov vs sovremennoy Rossii [Public perception of migrants in contemporary Russia]. In: Stepanov V.V. (red.). *Migratsiya i migranty v Rossii i mire: opyt sotsial'no-antropologicheskikh i etnograficheskikh nablyudeniy* [Migration and migrants in Russia and worldwide: socio-anthropological and ethnographic observations]. M.: IEA RAN: 112–117 (in Russian).

Tatarko A.N. (2009) Rol' vosprinimaemoy ugrozy v otnoshenii moskvicey k migrantam [Perceived threat in the Muscovites' attitudes towards migrants]. In: Lebedeva N.M., Tatarko A.N. (red.). *Strategii mezhekul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i naseleniya Rossii* [Migrants and population of Russia: strategies of inter-cultural interaction]. M.: RUDN: 141–165 (in Russian).

Trubina E.G. (2014) Review of: The Urban Ethnography Reader. Ed. by M. Duneier, Ph. Kazinitz, A. Murphy. Oxford University Press, 2014. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Studies], 2: 126–133 (in Russian).

Yakimova O.A. (2015). *Mediadiskurs inostrannoy migratsii v Rossiyu v kontekste konstruirovaniya mezhetnicheskogo vzaimodeystviya* [Mediadiscourse on international migration to Russia through the lens of popular perception of interethnic contacts]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 19(3): 123–136 (in Russian).